

**Дамина Шайбакова**

 <https://orcid.org/0000-0003-0921-9669>

*Казахский национальный педагогический  
университет им. Абая*

*Факультет филологии и полиязычного образования*

*050010, Алматы, Достык, 13, каб. 316*

*daminalshaibakova@gmail.com*

## **Роль инокультурного компонента в вариантообразовании плюрицентрического языка**

### **The Role of the Foreign Cultural Component in the Pluricentric Language Variant Formation**

#### **Резюме**

В статье предлагается обзор подходов к описанию связи языка и культуры, техники исследования культурных норм. Рассматриваются типы взаимодействия культур, специфика диаспоральной лингвокультуры, комплекс признаков, характеризующих диаспоры эмиграции (дальнее зарубежье) и диаспоры «катаклизмов» (постсоветской эмиграции). Подчеркивается значение того, как именно лингвокультура принимающей страны влияет на изменения языка диаспоры, ее коммуникативных норм. Представлены признаки диаспоральной концептуализации, которые составляют основу модели описания русского языка как плюрицентрического в аспекте лингвокультуры.

**Ключевые слова:** бикультурный код, диаспорное сознание, культураносные признаки.

#### **Summary**

The article offers an overview of approaches to describing the connection between language and culture, techniques for the study of cultural norms. Author considers the types of cultural interaction, the specifics of diasporal linguaculture, a set of features characterizing the diasporas (far abroad) and the diaspora of “cataclysms” in postsoviet countries. She emphasizes the importance of linguacultural influence on the language and communicative norms changes in diaspora. The signs of diasporal conceptualization are presented. These features formed the basis for the descriptive model of the Russian language as pluricentric in the aspect of linguistic culture.

**Keywords:** bicultural code, diaspora consciousness, culture-bearing signs.

Дивергенция единого языка, функционирующего в разных условиях, прежде всего создается различием коммуникативных норм, которые, в свою очередь, определяются нормами культуры. Поэтому в исследовании вариантности языков важное значение приобретает фактор культуры. При широком понимании культуры трудно вычленить конкретные элементы. Лурье относил к ним «культурные элементы, человеческие группы и системы символов» (Лурье, 1998, 17). И, как правило, под культурными элементами понимают этноспецифические феномены.

Связь языка, коммуникации, культуры формирует единое понятие. Адекватное отражение этой связи находим в номинации. Простое сложение основ корней наиболее точно указывает на единство языка и культуры. Термин «лингвокультура» введен американским антропологом Паулем Фридрихом (Friedrich, 1989). Помимо термина *лингвокультура*, есть *language and culture* (Liddicoat, Papademetre, Scarino, 2003), *culturelanguage* (Papademetre, Scarino, 2006), которые не переводятся и не используются в русскоязычных текстах. Также данный феномен описывается в терминах «культурные денотации и коннотации в семантике» (cultural denotations and connotations in semantics) (Byram, 1989), «культурные нормы в коммуникации» (cultural norms in communication) (Kramersch, 1993), «посредническая роль языка в социальном строительстве культуры» (the mediatory role of language in the social construction of culture) (Kramersch, 1996). Каждый термин актуализирует предмет исследования: язык и культура, культура в языке, язык в культуре. Это разные грани того же феномена. В работе А.Л. Кroeber и С. Kluckhohn (Kroeber, Kluckhohn, 1952) представлен обзор определений культуры. Авторы уже в то время называют дескриптивный, исторический, нормативный, психологический, структурный, генетический подходы. Семиотический подход актуализирует изоморфизм знаков языка и культуры, допуская отнесенность знаков культуры к нескольким системам, и интерпретация текстов культуры затруднена возможностями неоднозначного понимания.

Широкую популярность получила концепция Анны Вежицкой, которая методологически строго использует понятия «ключевые слова», «семантические примитивы» для изучения кросскультурных различий (Вежицкая, 2001). Метод культурных скриптов А. Вежицкая и К. Годдард применяют для описания культурно-специфических норм, ценностей в терминах, которые прозрачны, ясны, точны и понятны представителям не только данной культуры, но и других культур (Goddard, 2009, 68). Культурные скрипты отражают речевые практики говорящих, ментальные стереотипы. В них культура определяется через слова (Вежицкая, 2001, 256). Данные методы последовательно используются и в других исследованиях по кросс-культурной прагматике А. Вежицкой и ее последователей. Суть в том, что сравнивая параллельно соотносительные лексические, синтаксические средства, тексты в различных языках, А. Вежицкая, используя созданный ею язык базовых

семантических понятий, показывает, что прямые переводные эквиваленты могут скрывать существенные культурно обусловленные различия. Когда мы говорим, например, о дружбе, свободе, гневе, мы невольно приписываем этим понятиям культурно обусловленные смыслы, присущие соответствующим словам данного языка. Тем самым придаем им несуществующую универсальность и совершаем серьезную культурную ошибку.

Самый «лингвистический» подход в освещении культурного компонента значения предложил Л.В. Щерба. Говоря об особенностях культур, он утверждает, что значения слов, обозначающих понятия, не совпадают в разных языках по причине культурных различий. На примерах слов из разных культурно родственных языков он иллюстрирует оттенки значений. Так, различается понятие температуры воды: по-французски – *l'eau chaude, tiède, froide*; по-немецки – *heisses, warmes, lauwarmes, kaltes Wasser*; по-русски – *кипяток* (который не обязательно будет «кипящей водой»), но также и не «кипяченой водой»), *горячая, теплая, холодная вода*. Видно, что эти слова не эквивалентны. При совпадении понятий вырабатываются коннотативные значения слов, потому что слова разных языков различаются по своим вторичным ассоциациям: *chauve-souris, Fledermaus, летучая мышь* обозначают один и тот же предмет, но представляют его по-разному (Щерба, 1936). Данная техника изучения лексики основана на учете оттенков значения, обусловленных особенностями культуры, менталитета, мировосприятия. Она перспективна для сравнения общей лексики и установления зон несовпадения семантики. Чем теснее связи культур, тем более понятны коннотации иноязычных лексем.

Все приведенные выше техники описания культурных норм представляют разные аспекты изучения языка как способа трансляции культуры. Но особым предметом изучения является язык в инокультурном окружении. Ш. Саранжи замечает, что в большинстве работ под знаком межкультурной или межэтнической коммуникации рассматривается общение лицом к лицу представителей разных культур, что он предлагает назвать межкультурной прагматикой. По его мнению, из всех школ ближе к пониманию коммуникации представителей разных культур находится школа Дж. Гамперца, отличающаяся социолингвистическим подходом, проблематикой интерэтнической коммуникации. Гамперц обращает внимание на искажения в восприятии, объясняемые корректировкой правилами своей культуры, «стратегией родной контекстуализации» (Sarangi, 2009, 99). Ученый различает межличностное (диалектальное) и внутриличностное (наслаивающееся) варьирование. Первое охватывает различия в социальном или территориальном планах. Второе отражает заимствования и сдвиги в языке у отдельных говорящих (Гамперц, 1975, 299–319). Диалектальное варьирование приводит к тому, что в языке происходит замена слов, изменение семантики слов, появление инокультурных коннотаций. В наслаивающемся варьировании может быть

искажение коммуникативного намерения, т.к. различаются способы структурирования информации, оценки в двух разных культурах (Gumperz, 1982). При тесном взаимодействии, сосуществовании культур неизбежно смешение культурных кодов, что создает региональные коммуникативно-прагматические нормы и стереотипы восприятия. Условием понимания культурных стереотипов является опыт общения. Облегчает усвоение то, что стандартизация речи становится фактором ее предсказуемости и вероятности, в том числе и в билингвальной коммуникации.

Методов формального анализа наслаивающегося варьирования, а именно его мы наблюдаем в межэтнической коммуникации, нет. Это может быть только непосредственное наблюдение групп в определенных ситуациях взаимодействия. Понятно, что в этих наслаивающихся кругах есть элементы этнической, социальной культуры. Эти пересекающиеся круги описаны Ричардом Ли.

Richard Lee рассматривает три доминирующие культурные группы (есть и другие): родственную, этническую и национальную:

Let's examine three dominant kinds of cultural groups (there are others): kinship, ethnic, and national. Imagine three circles: the national circle is the largest; inside of it is the ethnic circle (which often, but not always, includes a religious component); and the smallest, but most integral to the totality of a person's cultural identity, is the circle representing kinship (Lee, 2006, 30).

Национальный круг отражает реалии социальной жизни. Этнический круг связан с природными условиями. Л.Н. Гумилев отмечал в этногенезе особую роль географической среды, не отрицая взаимодействия социальных, этнических, биологических факторов (Гумилев, 1989, 294–296). При таком понимании этнического воздействующим фактором следует признать пространство, ландшафт (к примеру, пространство в региональной поэтике Казахстана – степь, этот концепт стал смыслообразующим).

Измерение общих черт этнического менталитета, особенностей восприятия мира производится по разным основаниям. Одним из них признают доминанты национальных миров (Гачев, 1999) по признаку горизонтального или вертикального измерения, статического и динамического. Г. Гачев считает, что Россия – это страна бесконечного простора, горизонтальные идеи – даль, ширь, путь-дорога – превалируют в шкале ценностей (Гачев, 1999). Русский космос – это горизонталь, а казахский символически представлен как вертикаль, образы казахского мира связываются с горой, одиноким деревом. Так, Мировое Дерево у казахов стало государственным символом и описывается следующим образом:

...В центре мира высится Первозданный Кок-Тобе (синяя-небесная священная Гора), на вершине ее растет Великий Байтерек (букв. Могучий Тополь), по четыре ветви которого на каждом ярусе охватывают весь небесный свод, пронизывая все его уровни. Корни его проникают через все уровни Земли до нижних Вод ... (Государственные символы).

Монумент «Байтерек» установлен в столице Казахстана. У тюркских народов байтерек – это дерево жизни. На его кроне священная птица Самрук стремится отложить золотое яйцо – солнце, дающее жизнь. Символ означает, что казахи прочно держатся на земле, сохраняют исторические корни, но устремлены в будущее. Однако одним из главных смыслообразующих концептов в поэтике казахов является степь – горизонталь, получается, что существуют символы вертикали и горизонтали. Кроме того, как кочевникам казахам близка и понятна динамика:

Кочевой жизни противопоказана остановка в одной точке бескрайней степи. Она, подчиняясь временным, вегетационным закономерностям, выходит из круговорота движения. Конечно, это движение в основном имеет повторяющийся, постоянный характер (Габитов, 2006, 146).

Фундаментом казахской культуры, духовных ценностей ментальных ориентиров и национальных особенностей является кочевой образ жизни.

Данное метафорическое определение культур не может служить основанием для измерения изменений языка в инокультурных условиях. Однако оно объясняет образное осмысление мира, объекты сравнений, метафорическую картину мира, которые организуют поэтический дискурс определенной культуры и могут заимствоваться контактирующей лингвокультурой.

Основанием для научного исследования является рациональное осмысление культуры по вертикали и горизонтали: в вертикали – обращение к истокам, к историческим традициям, национальное или этническое сознание, а горизонтальная ось – это синтагматика, синхронная сочетаемость знаков культуры и культураносных знаков языка. Единый культурный фон, представляющий собой смешение знаков разных культур, тоже наблюдаем в горизонтали.

Помимо пространственной и статико-динамической квалификации культур, этнический круг характеризует и признак вербальности и невербальности. Пожалуй, можно согласиться с Т.Н. Снитко в том, что «смыслы в Восточной лингвокультуре изначально заданы, принадлежат Небытию, и потому невербализуемы» (Снитко, 1999). Семиотичность казахской культуры более ярко выражена в невербальных знаках: орнаменте, форме предметов, жилища, утвари, символике ритуалов. Между тем исследователи подчеркивают вербальность русской культуры. М.Ю. Сидорова объясняет это следующим образом:

Дело вот в чём: русский человек умозрителен. В 1918 году наш великий физиолог, академик Павлов в своей лекции «Об уме вообще, и о русском уме в частности» обвинил нас, русских, в том, что мы живём словами: мы коллекционируем слова, не применяя их к материальной действительности, не проверяя их в реальной жизни. Действительно, мы перестали видеть за словом ту вещь, которую оно обозначает. И с этим связана серьёзная опасность для нашей повседневной коммуникации» (Сидорова).

Однако для русского восприятия важны оттенки значений, коннотации, смыслы. Не случайно даже в грамматике русского языка заложена оценочность. Интерпретация чужих смыслов сопровождается своей концептуализацией. Так, сложный эндемический казахский концепт *айналайын* (букв. кружусь вокруг тебя, забираю все твои беды) русскими воспринят как ласковое обращение (Шайбакова, 2014, 64).

Подходы к описанию национальных и этнических культур не в полной мере применимы к особенностям смешанного культуротипа, синтезу культурных ориентиров, которые характерны для диаспоры, диаспорального сознания и определяют специфику языка, функционирующего в инокультурном окружении. Перед учеными здесь стоит задача построения общей типологии факторов, определяющих специфику языка диаспоры. В лингвокультуре диаспоры создается сложное переплетение разнородных признаков, единиц, приемов, механизмов.

Стиль жизни диаспоры формируется на основе взаимодействия традиций и современности, опыта и воспоминаний, связи историй, культур и языков, а также ориентаций трех акторов отношений: самой диаспоры, принимающей стороны и исторической родины (Тучина, 2012).

Применительно к русскому языку важным является различие диаспор эмиграции (далее зарубежье) и диаспор «катаклизмов» ближнего зарубежья, по терминологии Роджерса Брубейкера (Брубейкер, 2000, 6). Диаспоры «катаклизмов» образовались вследствие дезинтеграции крупных полиэтничных политических образований (Брубейкер, 2000, 6). В диаспорах эмиграции более частотен сознательный отказ от языка, преобладание воздействия социокультурных факторов на судьбу языка, существование языка преимущественно в устной форме. Во втором типе, т.е. в диаспоре, образовавшейся вследствие распада единого государства, напротив, отмечается сознательное удержание языка, сопротивление ассимиляции, развитие языка, более тесная связь с метрополией. Между тем в языке происходят изменения под влиянием иноэтнической культуры. Как показывают экспериментальные данные, в постсоветских странах происходят изменения в употреблении языка, в эмиграции – системные изменения, диффузия (Полински; Эндрю; Земская; Гловинская и др.). Вкрапления в русской речи эмигрантов – это лексика из сферы технологий, общественной коммуникации, образования, они демонстрируют знание языка принимающей страны. Такие вкрапления характерны для билингов. В постсоветских странах, по крайней мере, мы можем судить по странам центральноазиатского региона, вкрапления – это названия реалий культурной и этнической жизни принимающей стороны, безэквивалентная лексика контактирующего языка. Они не мотивированы переключением кода или смешением кода, часто являются облигаторными

заимствованиями. Сейчас процент русскоязычного населения в Центральной Азии уменьшается, и влияние автохтонных языков на русский заметно усиливается, особенно в ситуациях, когда семиотичность казахской культуры неизбежно сопровождает коммуникацию (свадьбы, похороны, поминки, приветствие, прощание, поздравление и т.п.).

Обращение к трем ареалам языка – метрополии, ближнему зарубежью и дальнему зарубежью, к истории и современности, фактам культуры и языка, определение слабых, подверженных изменениям, и сильных, т.е. устойчивых к изменениям участков языка в условиях постоянных контактов народов составляет основу модели описания русского языка как плюрицентрического в аспекте лингвокультуры. Так, недостаточно исследуются вопросы о том, почему происходят аддитивные заимствования, почему и в каких случаях коррекция коммуникативного поведения осуществляется в пользу «чужого», какие участки лингвокультуры оказываются «слабыми», как в многообразии фактов обнаружить общие закономерности? В лингвоэмигрантологии подобное понимание слабых участков языка демонстрируют М.Я. Гловинская (слабые vs. устойчивые к воздействию чужих языков части системы русского языка) (Гловинская, 2001, 42–59), Е.А. Земская (Земская, 2001). Быстрее всего влиянию чужих языков подвергается интонация. Американская исследовательница М.А. Осипова утверждает, что

слабой системной категорией оказываются модификационные производные, куда относятся диминутивы и приставочные глаголы. Это производные с *интерпретирующим, а не называющим* значением. Устойчивым же ядром системы оказываются мутационные производные, как, например, названия деятеля. Это «называющие» производные. Иными словами, дезинтегрируются производные с вторичными словообразовательными функциями, а проявляют устойчивость образования, реализующие важнейшую функцию словообразования, – номинативную (Земская, 2001, 122).

Е.А. Земская также замечает, что в речи информантов – эмигрантов разных волн модификационная категория уменьшительности-оценочности обнаруживает наибольшую активность (Земская, 2001, 123).

Для диаспорного языка также важен фактор стремления носителей к адаптации или сопротивления ей, тенденции диаспоры к ассимиляции, сепарации, маргинализации и интеграции (в соответствии с типологией Дж. Берри). Наиболее распространенной является модель интеграции, где в зоне совмещения культур образуется диаспоральный сегмент. Применительно к русскому языку Т.П. Млечко констатирует:

Наблюдается естественная картина инкорпорации в русский язык из инонационального лингвокультурного контекста экзотизмов и этнизмов, которые перестают восприниматься таковыми, т. е. чужими. Это, возможно, позволяет рассматривать их в качестве регионализмов или в качестве ксенонимов местного лингвокультурного происхождения и ограниченного (одной страной) радиуса использования (Млечко, 2014).



В зоне несовпадения словарей языка диаспоры и материкового языка находятся также агнонимы страны исхода, например неологизмы, диалектизмы, сленгизмы.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема взаимодействия языка и культуры имеет множество пластов, требующих осмысления. Расширяющиеся культурные круги включают большое число факторов воздействия. Национальный, этнический, родственный, личный круги имеют зоны совпадения, несовпадения, пограничные явления. Кроме того, характер контактов и их интенсивность, концепты, в большей степени подверженные изменениям, влияют на общую картину. В условиях перманентного взаимодействия разных культур неизбежно смешение гетерогенных знаков. Существующие модели анализа взаимодействия языка и культуры актуализируют те или иные культурно-носные признаки в функционировании языка. При этом в лингвокультуре диаспоры наблюдается сложное переплетение кругов – национального, этнического, как своего, так и контактного, родственного, личного. В формирующемся варианте русского языка создается устойчивая категория освоенных языком облигаторных заимствований – единиц, употребляемых всеми. Но в индивидуальной речи отмечаются и инвазивные заимствования, объясняемые индивидуальной приверженностью (личный круг) к иной культуре. Пока в силу функциональной значимости русского языка и его все еще широкого коммуникативного пространства различия, обусловленные влиянием культуры, отмечаются в лексике и в коммуникативных нормах.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Брубейкер, Р. (2000). *«Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России)* (перевод с англ. Е.В. Вишневской). *Диаспоры*, 3, 6–32.
- Вежбицка, А. (2001). *Понимание культур через посредство ключевых слов*. Москва: Языки славянской культуры.
- Габитов, Т.Х. (2006). *Культурология. Учебник*. Алматы: Юридическая литература.
- Гамперц, Дж. (1975). *Об этнографическом аспекте языковых изменений*, *Новое в лингвистике*, 7, Социолингвистика, 299–319.
- Гачев, Г. (1999). *Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца*. Москва: Институт ДИДИК.



- Гловинская, М.Я. (2001). *Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии (на материале русского языка)*. В: *Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию М.В. Панова* (42–59), С.М. Кузьмина (ред.). Москва: Языки славянской культуры.
- Государственные символы и атрибутика Республики Казахстан*. <http://www.docme.ru/doc/425601/gosudarstvennye-simvoly-i-atributika-respubliki-kazahstan> (доступ 10.11.2019)
- Гумилев, Л.Н. (1989). *Этногенез и биосфера Земли*. Ленинград: изд. Ленинград. ун-та.
- Земская, Е.А. (2001). *Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования, Русский язык в научном освещении, 1*, Москва: Языки славянской культуры, 114–131.
- Лурье, С.В. (1998). *Историческая этнология*. Москва: Аспект-Пресс.
- Млечко, Т.П. (2014). *Динамика и характер преобразований языковой личности в новой языковой ситуации*, Вестник Московского государственного лингвистического университета, 5, 87–98. Онлайн-версия: <http://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-harakter-preobrazovaniy-yazykovoy-lichnosti-v-novoy-yazykovoy-situatsii> (доступ: 17.07.2016)
- Сидорова, М.Ю. «*Великий и могучий*» во Всемирной паутине. Не запутается ли? [http://www.strf.ru/science.aspx?CatalogId=222&d\\_no=17887](http://www.strf.ru/science.aspx?CatalogId=222&d_no=17887) (доступ 13.12.2012).
- Снитко, Т.Н. (1999). *Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах*: автореф. дисс. д-ра фил.наук, спец. 10.02.19. Пятигорск, <http://cheloveknauka.com/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoy-i-vostochnoy-lingvokulturah> (доступ 10.09.2015).
- Тучина, О.Р. (2012). *Самопонимание этнокультурной идентичности в условиях диаспоры: к постановке проблемы*, Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 11(19), <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/tuchena.pdf> (доступ 3.10.2015).
- Шайбакова, Д.Д. (2014). *Жизнь языка в обществе, культуре, политике*. Алматы: Улагат.
- Щерба, Л.В. (1936). *О понятии смешения языков*. Стенограмма доклада, прочитанного на заседании Института языкознания 15 октября 1936 г., <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm>. (доступ 17.10.2012).

\*\*\*

- Byram, M. (1989). *Cultural studies in foreign language education*. Philadelphia: Multilingual Matters.
- Friedrich, P. (1989). *Language, ideology and political economy*, American anthropologist, 91, 295–305.
- Goddard, C. (2009). *Cultural scripts*. In: *Culture and language use (Handbook of Pragmatics Highlights. Volume 2)* (68–80), G. Senft, J.-O. Östman, J. Verschueren (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Gumperz, J. (1982). *Discourse strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kramsch, C. (1993). *Context and culture in language teaching*. Oxford: Oxford University Press.
- Kramsch, C. (1996). *The cultural component of language teaching*. Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht 1(2), [http://www.spz.tu-darmstadt.de/projekt\\_ejournal/jg\\_01\\_2/beitrag/kramsch2.htm](http://www.spz.tu-darmstadt.de/projekt_ejournal/jg_01_2/beitrag/kramsch2.htm). (available 15.11.2019).
- Kroeber, A.L., Kluckhohn, C. (1952). *Culture. A critical review of concepts and definitions*. Cambridge, Mass.: Peabody Museum.
- Lee, R. (ed.) (2006). *Globalization, language, and culture*. Philadelphia: Chelsea House.
- Liddicoat, A.J., Papademetre, L., Scarino, A., Kohler M. (2003). *Report on intercultural language learning*. Canberra ACT: Commonwealth of Australia.
- Papademetre, L., Scarino, A. (2006). *Teaching and learning for intercultural communication: A multi-perspective conceptual and applied journey for teachers of world culture languages* (2nd ed.). Adelaide: UniSA

- Risager, K. (2005). *Linguaculture as a Key Concept in Language and Culture Teaching*. In: *The Consequences of Mobility*, Preisler, B., Fabricius, A., Haberland, H., Kjærbaek, S. and Risager, K. (eds.). Roskilde: Roskilde University, 185–196. <http://diggy.ruc.dk/bitstream/1800/8700/1/Risager.pdf>.
- Sarangi, S. (2009). *Culture*. In: *Culture and language use (Handbook of Pragmatics Highlights. Volume 2)* (81–104), G. Senft, J.-O. Östman, J. Verschueren, (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- \*\*\*
- Brubeiker, R. (2000). „*Diaspory kataklizma*” v *Tsentral’noi i Vostochnoi Evrope i ikh otnosheniya s rodinami (na primere Veimarskoi Germanii i postsovetskoi Rossii* (perevod s angl. E.V. Vishnevskoi). *Diaspory*, 3, 6–32.
- Gabito, T.Kh. (2006). *Kul’urologiya. Uchebnik*. Almaty: Yuridicheskaya literatura.
- Gachev, G. (1999). *Natsional’nye obrazy mira. Evraziya — kosmos kochevnika, zemledel’tsa i gortsy*. Moscow: Institut DIDIK.
- Gamperts, Dzh. (1975). *Ob etnograficheskom aspekte yazykovykh izmenenii*, *Novoe v lingvistike*, 7, *Sotsiolingvistika*, 299–319.
- Glovinskaya, M.Ya. (2001). *Yazyk emigratsii kak svidetel’stvo o neustoichivykh uchastkakh yazyka metropolii (na materiale russkogo yazyka)*. V: *Zhizn’ yazyka: sb. st. k 80-letiyu M. V. Panova* (42–59), S.M. Kuz’mina (red.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul’tury.
- Gosudarstvennye simvoly i atributika Respubliki Kazakhstan*. <http://www.docme.ru/doc/425601/gosudarstvennye-simvoly-i-atributika-respubliki-kazahstan> (dostup 10.11.2019)
- Gumilev, L.N. (1989). *Etnogenez i biosfera Zemli*. Leningrad: izd. Leningrad. un-ta.
- Lur’e, S.V. (1998). *Istoricheskaya etnologiya*. Moscow: Aspekt-Press.
- Mlechko, T.P. (2014). *Dinamika i karakter preobrazovaniya yazykovoi lichnosti v novoy yazykovoi situatsii*, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 5, 87–98. Onlain-versiya: <http://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-harakter-preobrazovaniya-yazykovoy-lichnosti-v-novoy-yazykovoy-situatsii> (dostup: 17.07.2016)
- Shaibakova, D.D. (2014). *Zhizn’ yazyka v obshchestve, kul’ture, politike*. Almaty: Ulagat.
- Shcherba, L.V. (1936). *O ponyatii smesheniya yazykov*. Stenogramma doklada, pročitannogo na zasedanii Instituta yazykoznaniya 15 oktyabrya 1936 g., <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm>. (dostup 17.10.2012).
- Sidorova, M.Yu. „*Velikii i moguchii*” vo *Vsemirnoi pautine. Ne zaputaetsya li?* [http://www.strf.ru/science.aspx?CatalogId=222&d\\_no=17887](http://www.strf.ru/science.aspx?CatalogId=222&d_no=17887) (dostup 13.12.2012).
- Snitko, T.N. (1999). *Predel’nye ponyatiya v zapadnoi i vostochnoi lingvokul’turakh*: avtoref. diss. d-ra fil.nauk, spets. 10.02.19. Pyatigorsk, <http://cheloveknauka.com/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoy-i-vostochnoy-lingvokulturah> (dostup 10.09.2015).
- Tuchina, O.R. (2012). *Samoponimanie etnokul’turnoi identichnosti v usloviyakh diaspory: k postanovke problemy*, *Sovremennye issledovaniya sotsial’nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, 11(19), <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/tuchena.pdf> (dostup 3.10.2015).
- Vezhbitska, A. (2001). *Ponimanie kul’tur cherez posredstvo klyuchevykh slov*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul’tury.
- Zemskaya, E.A. (2001). *Yazyk russkogo zarubezh’a: itogi i perspektivy issledovaniya*, *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul’tury, 114–131.